

Колыбель русского флота

I.

Бесспорно и заслуженно этим дорогим именем вправе называться оставшийся от славных дней Петровых переславский (Владимирской губернии) ботик, сооружённый Петром в отроческие его годы на берегу озера Плещеева, сослужившего бессмертную услугу Петру, при изучении им кораблестроения и мореплавания. Это Плещеево озеро можно сравнить с азбукой, которой начинается обучение чтению. Как азбука служит ключом к открытию входа в великое святилище ума человеческого, так и озеро Плещеево, несмотря на свою естественную незначительность, дало ключ царю Петру для входа в необозримые бездны морские.

с. 45

Этот памятник «дел Петровых», имеющий свою историю, заслуживает того, чтобы возновить память о нём в двухсотлетнюю годовину вековой славы царя Петра, стяжавшего эту славу, между прочим, победой под Полтавой над врагом, мнящим себя, и современниками признаваемым, непобедимым.

При воспоминании о Петровском ботике, сооружённом великим царём при маленьком городке, небезынтересно воспроизвести те сказания, которые не вошли в официальную историю, но которые живут в устах народа, о том, при каких условиях и обстоятельствах Пётр Великий избрал озеро Плещеево местом обучения мореплаванию, от кого и каким путём дошли до юного царя сведения о существовании при городе Переславле Плещеева озера, его величине и пригодности к плаванию по нему на парусных судах.

Ответом на этот небезынтересный вопрос служить следующее народное предание.

Переславское озеро, длиною 14, [15 км] шириною 7 вёрст, в давние годы изобиловало рыбой разных пород, особенно небезызвестной и доселе сельдью. Переславские рыбаки известны были: и в Москве, и у Троицы Сергия, и в Ростове Ярославском. Они снабжали своей рыбой и монастырь, и бояр, и именитых купцов. На переславскую рыбу спрос был постоянный во всякое время года, при строгом исполнении предками нашими постов и дней постных. Но спрос этот был особенно велик к масляной неделе, разгул и празднование которой создали народную поговорку, выражающую сравнение масленичного разгула с морем разливанным. Но приверженность русских людей допетровского времени к сохранению верований и обычаев земли родной, веками установленных, удерживала их от употребления мясной пищи в течение масленицы, что и способствовало особо большому спросу в это время на рыбные продукты. С приближением масленицы из Переславля к Москве тянулись целые обозы с замороженной свежей рыбой, наловленной в озере Плещеевом. Рыбу эту продавали рыбаки и в подмосковских сёлах и в самой Москве. В то старинное время ни в Москве, ни тем более в других городах не было магазинов, которые теперь украшают торговые улицы городов. Торговля производилась на Базарной площади с лотков и из ларей, где народ толпился по делу и без дела, почему базарные площади именовались «толкучкой». Разнородные жизненные продукты развозились и по городским улицам, причём развозившие их торговцы во всё горло, не жалея себя, кричали, приглашая прохожих и вызывая из домов жителей для покупки их товаров. Так заведено было и в Москве и в других городах.

с. 46

В один из предмасленичных дней, в 1689 году, в самый разгар торговли рыбой, к рыбному возу, окружённому толпой народа, в с. Преображенском подошли два человека. Один пожилой, сухошавый, бритый, сутуловатый, неважно одетый, другой юный, но рослый, чернобровый, краснощёкий, кудрявый. Старший что-то объяснял младшему, разводя руками; младший жад-

* Соловьёв, Н. И. Колыбель русского флота / Н. И. Соловьёв // Военно-исторический вестник. — 1909. — № 7—8 (ноябрь—декабрь). — С. 45—58.

но слушал объяснение. Огненные глаза его горели любопытством. Видно было, что предмет объяснения его интересует в высшей степени.

Рыбак, не обращая внимания на этих двух лиц, продолжал выкрикивать: «по рыбу, по рыбу, по переславскую рыбу. Ловили рыбаки в большом озере сельдей, а наловили маленьких ершей»... Когда юноша подошёл с сопровождавшим его пожилым человеком ближе к возу, толпа, окружавшая воз, мгновенно расступилась и воздала ему почтительный поклон, касаясь рукою земли. Мужчины сняли шапки и стояли с непокрытыми головами. Юноша дал знак, чтобы они надели шапки, и, обращаясь к рыбаку, спросил его:

- Ты рыбак?
- Буду так, — смело отвечал бывалый рыботорговец.
- Из Переславля?
- Из него, из самого.
- Ты сказывал, что есть там озеро большое?
- Да, есть, брат, такое.
- А велико ли оно будет?

с. 47 — А коли захочешь кругом его обойти, так надо идти от зари до зари. Захочешь поперёк перескочить, надо семь вёрст переплыть.

— А далеко этот самый Переславль отселе?

— На лошади ездить сутки двои, а пойдёшь пешком, пройдёшь и трои.

Юноша после этих вопросов замолчал и рыбак снова стал выкрикивать: «по рыбу, по рыбу, переславскую рыбу»...

II.

Два лица, расспрашивавшие рыбака о Переславском озере, выделявшиеся из толпы, окружавшей рыбака, были: юноша — всего допытывавшийся и до всего доходивший своим умом, готовившийся вступить в управление русским царством, бессмертный для истории нашего отечества Пётр Великий, а лицо, его сопровождавшее — не именитое и не знатное, простой ремесленник, голландец Франц Циммерман, проживавший в Москве в немецкой слободе. Будущий преобразователь России в это время проживал со своей родной матушкой, вдовствующей царицей Натальей Кирилловной, в подмосковном селе Преображенском, где занят был самообразованием, так как между русскими людьми не находилось подходящего учителя даже для самого царя. За разными объяснениями и указаниями Петру невольно приходилось обращаться к простым ремесленникам из иностранцев, проживавшим в Немецкой слободе и знавшим больше русских вельмож того времени, в особенности в области ремёсел и искусств. Эта жажда к знанию Петра случайно сблизила его с Циммерманом, а чрез него и с прочими обитателями Немецкой слободы, где жизнь была ключом, где трудолюбие шло рука об руку с свободомыслием, а в иных случаях даже с легкомыслием, тогда как русская жизнь и русская мысль окутаны были суеверной тяжеловесностью, не соответствовавшей пылкой натуре юного Петра. Образование русских людей ограничивалось чтением по складам часослова и псалтири да уменьем кое-как, по печатному, подписать свою фамилию, и только.

Вот почему Пётр искал друзей не в кремле Москвы, а в «Кукуй слободе», как презрительно называли русские Немецкую слободу.

Юный Пётр, сблизившись с Циммерманом, требовал, чтобы он сопровождал его повсюду и давал ему разъяснения на его постоянные вопросы: что, как, отчего, почему?

Когда переславский рыбак торговал в Преображенском рыбой, выхваливая толпе, окружавшей его воз, свой товар, в это время Пётр и Циммерман возвращались со смотра иностранного судна, находившегося в Измайловском льняном дворе, между старою рухлядью. Судно это, как известно, принадлежало двоюродному брату Петра — Никите Ивановичу Романову. Это проломанное судно Пётр возымел намерение починить и употребить в дело — пустить его «в ход против ветра»; до этого искусства в это время русское плавание не достигало и русские суда плавали только по ветру.

с. 48

Но тут опять беда. Не оказалось ни одного русского человека, ни одного русского мастера, могшего починить, привести в порядок и спустить на воду английской постройки судно. Петру пришлось искать такого мастера между иноземцами, в нелюбимой русскими Немецкой слободе. Таким мастером оказался столяр — Карштейн Брант.

Бот Никиты Ивановича Романова из Измайловского льняного двора был перевезён в Преображенское, и Брант приступил к его ремонту. Он приделал к боту мачту и паруса и весной 1689 года, в праздничный Егоров день, в присутствии юного царя, при толпе собравшегося народа, плавал на этом заброшенном боте по реке Яузе. Народ дивился такому чуду и объяснял плавание бота противу ветра действием сатаны. Пётр слышал эти толки и разговоры, они его раздражали и досадовали. «Хоть бы уехать от этих дураков куда», — размышлял юный царь, слушая рассказы о нечистой силе. «Сами ничего делать не хотят, так всё на чертей валят», — сетуя на своих соотечественников говорил Пётр Бранту...

— А знаешь что, любезный Брант, мне паче всего удивительно и зело любо, что мы управляем ботом, точно послушным конём, но только и этот конь послушный оказывает свой норов, — отчего это?

— Это происходит оттого, что бот широк, а река узка — повернуться ему не свободно.

— Так перевезём его на Измайловский пруд.

Брант на это предложение Петра согласился, и бот перевезён был на Измайловский пруд; но и здесь для бота оказалось мало простора.

Между тем в пылкой голове царя зародился и созрел смелый для его возраста и положения план. Возвращаясь с Измайловского озера с неразлучными Брантом и Циммерманом, Пётр, под секретом, открыл им, что у него есть сильное желание отправиться на Плещеево озеро.

— Помнишь, Циммерман, пред масленой рассказывал нам рыбак, что рыбу продавал, какое это озеро, глазом не обнимешь. С той поры это озеро у меня с головы не выходит. Только матушка отговаривать будет. Пожалуй, не пустит. Сие нужно с искусством к желаемому концу привести и надлежащую аргументацию матушке представить, дабы получить её на поездку соизволение.

III.

Вскоре после этого Пётр Алексеевич, благословляемый и напутствуемый благожеланиями Натальи Кирилловны, катил в своей бричке с Брантом и другим знатоком корабельностроительного дела Картом, под видом богомолья в Сергиевскую лавру, в город Переславль, вовсе не ожидавший такого именитого гостя.

Впрочем, по пути в Переславль Пётр Алексеевич заехал в Сергиевскую лавру и исполнил поручение своей матушки помолиться за упокой души царя Алексея Михайловича.

От Москвы до Сергиевской лавры и от Лавры до Переславля нужно было ехать дремучими лесами, благодаря которым Переславль и донныне носит название «Залесского». Глинистый грунт, колеи, горы и овраги затрудняли Петру скорость езды, и он с своими спутниками только на четвёртые сутки доехал до с. Вёськова, расположенного на высоком берегу Плещеева озера, верстах в четырёх от Переславля. Солнечные лучи играли на водной поверхности озера. Казалось, озеро не имеет границ, хотя вдалеке синел лесной бор и белелась церковь.

Юный царь ахнул от удивления. Брант и Карт хотя видели моря, но тоже поражены были величием озера. Долго царь любовался. Он сбегал с крутой горы и, несмотря на болотистую местность, отделяющую озеро от берега, доходил до воды, пробовал её вкус и, не утерпев, выкупался в озере.

Налюбовавшись вдоволь на водную поверхность озера, Пётр со своими спутниками на ночлег поехал в Переславль. Путь этот лежит, с одной стороны, близ громадной возвышенности, а с другой стороны — близ болотистой низменности, составляющей берег озера. Пётр всю дорогу любовно смотрел на озеро...

Город Переславль, построенный на низменной болотистой местности, своими старинными и бедными лачугами производил на Петра неприятное впечатление. Под влиянием этого первого впечатления у Петра Алексеевича родилась мысль устроить дворец или хатку для своего пребывания на крутом берегу при селе Вёськове.

Скрывая своё царское звание, Пётр, как простой путешественник, остановился на постоялом дворе, где и переночевал. А наутро чем свет разыскал рыбачью слободку и того самого рыбака, который, торгуя перед масленицей рыбой в Преображенском, дал Петру первоначальные сведения о Плещеевом озере в заманчивой для юного Петра форме.

С этим рыбаком и с своими спутниками отправился на больших «коротнях» на озеро, и не со страхом, не с робостью, а с радостно бьющимся сердцем плыл молодой царь по ласкающей глади озера. Он в первый раз в жизни увидел такую водяную громаду, брал в руки

с. 50

вёсла и помогал рыбаку управлять самодельным судном. А Брант и Карт между тем измеряли глубину озера, опуская в различных местах его бечёвку с привязанной к ней гирей. Рыбак осматривал принадлежавшие ему верши и вынимал из них попавшую рыбу, которую Пётр потом взял у него, щедро заплатив за неё, и, поместив её в бочонок с водою, взял с собою в подарок любимой матушке.

Это была первая поездка царя Петра Алексеевича в г. Переславль для знакомства с Плещеевым озером. Она продолжалась около недели. Матушка Петра, царица Наталья Кирилловна, уже начинала беспокоиться о нём. Но, к великой её радости, дорогой её сын возвратился из своей поездки в полном благополучии и привёз просфору от преподобного Сергия. А затем, видя радость матери, вызванную его возвращением, открыл ей всю правду: куда и зачем он ездил, как плавал по озеру, и передал ей бочонок с живой рыбой, наловленной на Плещеевом озере.

Царица Наталья Кирилловна и ужасалась такой решимости сына, и приходила в восторг от внимания его к ней, смотря на плещуюся в воде рыбу, привезённую из далёкой стороны...

IV.

После этой тайной поездки в Переславль, Пётр предпринял вторую поездку, с разрешения царицы Натальи Кирилловны, с трудом согласившейся дать дозволение сыну на такую, по её взгляду, далёкую и опасную поездку. Настойчивые просьбы и основательные доводы юного царя Петра Алексеевича убедили царицу-мать дать ему разрешение.

с. 51

Получив согласие матери-царицы, Пётр, уже никем и ничем не стесняемый, отправился на Плещеево озеро в сопровождении Бранта, Карта и некоторых лиц свиты. О прибытии царя в Переславль дано было сюда знать официально и встреча Петра Алексеевича была здесь торжественная. Его встречало духовенство в праздничном облачении, воеводы, бояре, именитые граждане и толпы народа, собравшегося из подгородных сёл и деревень. Но Петру нужны были не парадные встречи и витиеватые речи; его мысль поглощена была думою об озере, ему нужны были люди, сродные с водяной стихией, и взор его в десятитысячной толпе усмотрел того, кто для него был дороже и важнее и бояр, и граждан, и подьячих, и попов. Этот счастливец был тот рыбак, с которым Пётр совершал поездку на «коротнях» по озеру. Пётр Алексеевич раздвинул толпу своею юной, но могучей рукою, и, подойдя к рыбаку, ласково сказал: «Здорово, приятель, как поживаешь; ловится ли рыба?» Толпа поражена была знакомством царя с рыбаком, которому царственный отрок приказал готовить «коротни» для плавания по озеру, а сам направился в приготовленный ему дом, где оставался короткое время и, в сопровождении лиц с ним прибывших, в Переславль отправился в рыбацкую слободу, из которой на «коротнях» рыбака поехал по озеру, глубину которого на этот раз Пётр Алексеевич измерял лично бечевою с привязанной к ней гирькой. Глубина озера в некоторых местах достигала до десяти саженьей. [21 м] Пётр приказывал брать разное направление, и «коротни» рыбака плыли то вдоль озера, то поперёк; наконец он приказал направиться к с. Веськову, местность которого так его пленила несколько дней тому назад.

Высадившись на берег, несмотря на топь, отделяющую озеро от крутой возвышенности берега, царь быстро прошёл эту топь и ещё быстрее взобрался на Веськовский холм, возвышающийся над поверхностью Плещеева озера. Здесь, на этом счастливом холме, юный царь приказал построить для своего пребывания дворец, и с этого момента эта обаятельная местность получила историческое значение. Здесь царь Пётр Алексеевич переживал лучшие минуты своей молодой юношеской жизни.

На этот раз пребывание Петра в Переславле было кратковременно. Он оставил здесь Бранта и Карта для устройства дворца и для постройки судна по образцу английского бота, найденного в Измайловском льянном дворе. Работа закипела. Начали пилить лес, рубить, возить, строить...

Так при озере Плещеевом, на крутом его берегу, в с. Веськове положено было в 1688 году начало русскому кораблестроению!..

Пётр часто лично навещал Веськово во время производимых здесь работ, не заезжая в Переславль.

Эти поездки юного царя вызвали в Москве суды и пересуды. Особенно глумилась над ним царевна Софья, желая уронить авторитет царя в правящих сферах.

А приближенные к царице Наталье Кирилловне с утра до вечера убеждали её и нашептывали ей, что Петра Алексеевича следует женить, чтобы разлучить с еретиками из «кукуй слободы» и удержать от поездок на Плещеево озеро.

Материнское любящее сердце вняло этим советам и царица Наталья Кирилловна облюбовала сыну-отроку невесту, дочь сокольничего Евдокию Феодоровну Лопухину. Пётр согласился на эту женитьбу, и свадьба его совершена была 27-го января 1689 года, на семнадцатом году царя-жениха.

Как известно, эта неожиданная женитьба Петра в юношеском возрасте имела для него тяжёлые, и для Евдокии Феодоровны роковые последствия. Как бы вопреки русской поговорки: «женится — переменится», Пётр Алексеевич, сочетавшись браком с Евдокией Феодоровной, нисколько не изменился и в отношении посещения «кукуй слободы», и в отношении отлучек в облюбованное им с. Вельково. Месяца три спустя после своей свадьбы, в апреле месяце, как только начали вскрываться реки, Пётр Алексеевич тайно от своей молодой супруги уехал в Переславль, откуда письменно извещал свою родительницу: «сынишка твой в работе пребывающий, Петрушка, благословения прошу и о твоём здравии слышать желаю, а у нас, молитвами твоими, здорово всё. А озеро всё вскрылось сего 20 числа, и суда все, кроме большого корабля, в отделке, только за канатами станет: и о том милости прошу, чтобы те канаты — по семи сот сажень, из Пушкарского приказа, не мешкав, присланы были. А за ними дело станет и житьё наше продолжится».

с. 52

Чтобы вызвать сына из Переславля к молодой его жене, Наталья Кирилловна писала Петру Алексеевичу: «здесь, на Москве, ты zelo необходим»... А Пётр на это писал матери: «изволила приказать быть в Москве и я быть готов; только ей-ей, дело есть»... Но и этому делу пришёл конец. Наступила весна 1690 года, приблизилось первое мая, день, назначенный для спуска корабля, названного Петром: «Fortuna».

К спуску корабля Пётр готовил большое торжество, на которое изъявили согласие прибыть в Переславль обе царицы: и мать, и супруга Петра Алексеевича.

В день, назначенный для спуска корабля, юный царь Пётр Алексеевич с четырёх часов утра был уже на ногах и всё осмотрел своим зорким оком.

В 7 часов утра в Соборе, во всех монастырях и тридцати переславских церквях звон колоколов известил о начинающемся торжестве и наступил желанный, ожидаемый момент! Хоругви, иконы, многочисленное духовенство, обученные Петром полки, вызванные на торжество из Москвы, пальба из пушек, стотысячная толпа народа; во главе всего ликующий, торжествующий молодой царь, устроитель и корабля и торжества, с обеими царицами — супругой и матерью, с боярами и знатными лицами.

По окроплении святой водой «Fortuna» спущена была в озеро и, покачиваясь на водяной зыби, приводила в восторг и царя и народ.

Затем последовало на счёт царской казны угощение народа. После обеда назначено было катанье по озеру. В этом катаньи, по настоятельной просьбе царя, приняли участие обе царицы. Не выдавшие такой водной громады — как Переславское озеро, царицы не без страха вошли на «Фортуну». Весёлый и довольный Пётр шутил над их робостью.

По народному сказанью, это катанье окончилось неприятностью. Молодая царица Евдокия Феодоровна, сняв обручальное кольцо с пальца, любовалась на это кольцо и, по неосторожности, уронила его в озеро. Этому случаю обе царицы и народ придавали мрачное предзнаменование: или смерть царицы, или разлуку с царём... «Уж быть беде, уж это даром не пройдёт», — толковали в толпе.

V.

Прошло тридцать два года. Много воды утекло за этот длинный период времени. Много изменил великий царь в своём Российском государстве; он сделал Россию неузнаваемой. Но и время изменило его. Гигантское здоровье Петра расшаталось, хотя болезненное состояние не удерживало его от работы. Однажды, после невероятных трудов по устройству «Парадиза», то есть рая, как называл Пётр излюбленный им Петербург, царь, по народным сказаньям, от переутомления не мог заснуть и тревожно рассматривал свои худеющие, мозолистые руки. Взор его остановился на сползавшем от худобы пальцев золотом обручальном кольце. Это обручальное кольцо породило в голове Государя давно прошедшие события. Оно воскресило в памяти

с. 53

юношеские годы Петра, его пребывание на Переславском озере и счастливые мгновенья юной поры давно прошедшего пребывания здесь.

При воспоминании о прошедшем, у царя родилось желание взглянуть на те родные его сердцу места, в которых зародился русский флот, сослуживший уже и самому Петру неоценимые услуги. Свои намерения Пётр никогда не откладывал в дальний ящик и всегда приводил их в исполнение. Так было и в данном случае. Поутру, встав, Государь объявил приближённым к нему лицам, что он уезжает. А куда именно, спросить никто из приближённых не смел, даже не осмеливалась предложить этого вопроса Государю и любимая им вторая жена его Екатерина. Так, не сказав никому место и время своего отъезда, Пётр уехал из Петербурга. 1722 года 7-го февраля в тридцатиградусный мороз, по колено в снегу, опершись на палку, на крутом холме при селе Вёськове стоял Государь Пётр Алексеевич, смотря на занесённое снегом Плещеево озеро. Охваченный думой о временах прошедших, Государь мысленно воспроизводил пред самим собою в ненарушимой тиши всю свою жизнь, исполненную трудов и превратностей судьбы. Вспомнилось ему, как здесь, при спуске «Фортуны», первая супруга его царица Евдокия Феодоровна обронила в озеро обручальное кольцо; вспомнились ему и толки народные по этому случаю... Государь содрогнулся всем своим могучим корпусом, голова его сильно затряслась; но он овладел собою и быстрыми шагами направился ко дворцу, устроенному им во дни юности на вёськовском холме. Царь хотел видеть этот дворец и тот корабль, который им был здесь построен.

Найдя памятники дел рук своих в «небрежении», Пётр собственноручно написал по этому поводу следующий краткий, но выразительный указ.

«Указ воеводам Переяславским.

Надлежит вам беречь остатки кораблей, яхт и галеры; а буде опустите: то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегшии сей указ. Пётр, в Переяславле в 7-й день февраля 1722 года».

VI.

с. 54 Но вот прошли века, промчались годы, и Русь святая чтит Петра на полях знаменитой Полтавской победы. В единении с этими торжествами, взглянем в то обиталище царя при с. Вёськове, в ту колыбель русского флота, которая носит скромное название «Петровский ботик при городе Переславле».

На том месте, где стоял деревянный дом Петра, ныне выстроено каменное здание в два этажа, — нижний состоит из одной комнаты в 20 аршин длины [14,2 м] и в 10 аршин ширины, имеет шесть больших окон, две двери; стены здания снаружи и внутри окрашены масляной краской. Войдя внутрь здания, вы получаете то же впечатление, какое производит на вас церковь, когда в ней нет богослужения и народа. Вдоль комнаты стоит баркас, устроенный руками Петра, с надписью золочёными буквами на железной доске: «Fortuna». На другой стороне баркаса прибито следующее печатное пояснение: «Ботик (яхта Фортуна), на котором Император Пётр I-й плавал по озеру Плещееву, спущенный в воду в 1690 году». По стенам дворца развешаны портреты государей: Императора Александра I-го во весь рост, поясной Императора Николая и два небольших портрета Императора Александра II-го. В переднем углу помещаются две иконы в вызолоченных ризах — в одном киоте: одна во имя святого апостола Петра, с следующей надписью: «икона сия во имя ангела блаженныя памяти его императорского величества Петра I-го пожертвована от усердия граждан города Переславля-Залесского, для постановления в здании, устроенном на берегу озера Плещеева при селе Вёськове, что близ города Переславля, в коем сохраняются остатки флотилии его Величества. 1852 года августа 17 дня». Другая икона, во имя святителя и чудотворца Николая, также в вызолоченной ризе, имеет такую надпись: «Икона сия во имя ангела ныне благополучно царствующего, отца отечества, его императорского величества Николая I-го, пожертвована от усердия граждан города Переславля-Залесского, для поставления в здании, устроенном на берегу озера Плещеева, при селе Вёськове, что близ города Переславля, в коем сохраняются остатки флотилии Императора Петра I-го. 1852 года августа 17 дня».

Под лестницей, ведущей в верхний этаж дома, лежат котлы от времён Петра. На задней стене устроены полки, на которых расположены разного рода предметы, оставшиеся после царя.

Все эти вещи, несмотря на их простоту, имеют несомненную ценность в смысле характеристики великого царя. На каждой вещи наклеен печатный с № ярлычок с названием вещи. Всех предметов, оставшихся после Петра в его Переславском дворце, насчитывается до сорока.

Под № 1-м поставлен фуганок, плотничный инструмент вроде нашего большого рубанка. Этим фуганком царь строгал мачты для своей флотилии.

№ 2. Футляр от подзорной трубы, которую, надо думать, как редкость в то время, Пётр увёз из Переслава с собою, а футляр оставил как-нибудь случайно. с. 55

№ 3. Скобель — очень узенькая, с железными рукоятками, мало похожа на скобель, употребляемую в настоящее время.

№ 4. Вантепиль обыкновенный.

№ 5. Три изразца.

№ 6. Кочедык в виде железной ложки.

№ 7. Две колодки для плетения лаптей.

№ 8. Стеклопосуда. Собственно два штофа зелёного стекла. Один обмазан по краям замазкой, а другой разбит с одной стороны.

№ 9. Доски образов из дворца Петра I-го. Число этих досок весьма значительно — 20; изображения ликов святых стёрлись, и самые доски погнили.

№ 10. Пазовник. Инструмент, употребляемый для паза стен.

№ 11. Долото. Толще и длиннее ныне употребляемых.

№ 12. Два топора. Топоры без топорниц, в виде нынешних колунов.

№ 13. Гвозди для обивки дверей из дворца Петра, — небольшие, с обыкновенными медными шляпочками.

№ 14. Железный ковш, наполненный пулями.

№ 15. Кошка морская и ножницы.

№ 16. Глиняный горшок со жжёными костями, найденный в 1853 году в курганах близ Петровского дворца.

№ 17. Жогало.

№ 18. Шпора железная, гораздо большего размера ныне употребляемых; с зубчатым колёсиком.

№ 19. Разное железо из дворца Петра I-го.

№ 20. Пушечные ядра.

№ 21. Железное ведро, в виде лейки, с ручкой сбоку.

№ 22. Гинь-блоки.

№ 23. Блоки галет с яхты «Анна».

№ 24. Блоки галет с яхты.

№ 25. Блоки и дранки.

№ 26. Юнвирь.

№ 27. Деревянный ящик, небольшой, разделённый на две половины, с ручкой в середине, в виде судка,

№ 28. Колья от палатки.

№ 29. Резные украшения из дворца Императора Петра I-го, частью деревянные, частью каменные, женские фигуры и мифологические изображения.

№ 30. Кузнечные меха.

№ 31. Резной лев. Превосходная работа самого царя.

№ 32. Слюдные рамы из дворца императора, им лично расписанные. с. 56

№ 33. Циферблат от часов.

№ 34. Колёса от башенных часов. Сохранился рассказ, что часы эти работаны самим Петром.

№ 35. Мачты.

№ 36. Российский герб, бывший над входом дворца Императора Петра.

№ 37. Такелаж разного рода и стенвенты.

№ 38. Паруса с яхты.

№ 39. Большая морская кошка.

№ 40. Деревянная ступа.

Все перечисленные предметы, оставшиеся после Императора Петра и по большей части им самим сделанные, очень мало говорят о царственной роскоши русского царя.

Сохранилось предание о том, что Петру давалось всякое ремесло и всякое дело очень скоро, за исключением совершенно нехитрого рукоделья — плести лапти. Сколько раз царь

ни принимался за эту работу, дело никак не ладилось, и вот однажды, рассердившись на такую неудачу, Пётр забросил кочедык, которым плетут лапти. В 1853 году, при раскопке одного кургана близ ботика Петра Великого при Переславле, найден кочедык в земле. Этот кочедык хранится в коллекции других вещей в Переславском ботике (№ 6), и некоторые предполагают, что это тот самый, который был в руках царя и заброшен был им по неудачной работе лаптей. Кроме выше исчисленных древностей, оставшихся от Петра, в стеклянном ящике хранятся следующие документы:

1) В бархатном переплёте книга, заключающая в себе собственноручный указ Петра I-го от 7-го февраля 1722 года, выше приведенный.

2) В ящике за стеклом находится книга в кожаном переплёте, напоминающая своею внешнею формой употребляющуюся в церквах псалтирь. Книга эта оглавлена так: «Книга устав морской о всём, что касается доброму управлению в бытности флота в море».

«Напечатана повелением Царского Величества в Санкт-петербургской типографии лета Господня 1720 апреля в 13-й день».

Царь Пётр, строя собственноручно корабли, нашёл нужным издать устав, как обращаться с этими кораблями во время плавания. Нужно думать, что Пётр во время своего посещения Переславля, в феврале 1722 года, привёз с собой морской устав и, дав воеводам переславским указ о хранении кораблей, оставил устав о всём, что касается доброго управления в бытности флота на море.

3) Вторая в бархатном переплёте книга заключает в себе собственноручные записи посетителей Петровского ботика в Переславле.

с. 57 В этой книге мелким, но чётким почерком написано: «Николай» 17-го августа 1850 года.

Николай Павлович, изъездивший всю Россию, побывавший на Кавказе, не забыл посетить и ботик своего великого прадеда.

4) В том же ящике хранится список штаб и обер-офицеров 4-го батальона Угличского егерского полка, бывших на параде при открытии памятника Императору Петру I-му, 17-го августа 1852 года в селе Велькове.

Верхний этаж дворца устроен в виде мезонина, состоящего из трёх равных комнат. Эти комнаты устроены в том самом виде, в каком был выстроен домик Петра. Комнатки небольшие, окна полукруглые.

На наружной стороне дворца, обращённой к озеру, сделана следующая надпись: «Петру Великому — усердный Переяславль».

На этой же стороне, рядом с дворцом, на берегу озера, поставлен прекрасный мраморный монумент Петру, на котором с одной стороны написано: «Заложено государями великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами 1850 года августа 17 дня, при обозрении их императорскими высочествами хранящихся здесь остатков бывшей флотилии императора Петра I-го».

С другой — указ воеводам Петра о хранении кораблей, нами вышеприведённый.

С третьей: «открыт 17-го августа 1852 года».

С четвёртой: «1847 года января 21 дня».

«Его императорское величество Государь Император Николай Павлович на изъявленное владимирским дворянством желание и готовность приобрести покупкою село Вельково соизволил удостоить дворянство высочайшим отзывом, что поступок этот вполне достоин чувств владимирского дворянства, как его величество всегда разумел оное».

Близ монумента поставлены восемь маленьких пушек Петровского времени. Рядом с дворцом устроен дом в виде летнего барака, для приёма посетителей. Дом этот холодный — без печей, но отделан очень чисто и своей обстановкой напоминает лагерные офицерские клубы. В этом доме обращает на себя внимание портрет Петра Великого, написанный масляными красками. Государь изображён стоя, подперши левую руку в бок; во всей фигуре видна энергия, неустранимость и строгость. Портрет этот несомненно весьма давнего происхождения. Здесь же стоит небольшой алебастровый, окрашенный под мрамор, монумент Петру, сооружённый Екатериной, с надписью: «Петру Первому — Екатерина Вторая». Монумент этот — копия с известного петербургского монумента. Далее от этого дома стоит изящный белый каменный дом, прекрасно отделанный внутри, с бельведером наверху, — откуда открывается восхитительный вид на озеро. Дом этот необитаем, выстроен Императором Николаем Павловичем, для какой цели — сказать не можем. В этом доме нет ни мебели, ни чего-либо замечательного в историческом отношении.

с. 58

По смерти Петра Великого ботик его начал приходить в упадок, деревянные постройки разрушались, а потому в 1803-м году ботик был поправлен. Разумеется, время делало своё дело, царские постройки снова приходили в ветхость, и вот дворяне Владимирской губернии обратились к Государю Николаю Павловичу с изъявлением готовности приобрести покупкою ботик в своё ведение, на что впоследствии 21 января 1847 года Высочайшее Его Императорского Величества соизволение.

Приобретя в своё ведение ботик, дворяне Владимирской губернии в 1850 году заложили монумент Императору Петру I-му и 17-го августа 1852 года торжественно открыли этот Царский памятник в присутствии генерал-губернатора, владимирского гражданского губернатора, архиерея и других особ. Граждане же города Переславля устроили каменный дворец вместо Петровского деревянного и поместили в него все остатки из дворца Петра. Таким образом, ботик с 1847 года состоит в ведении дворян Владимирской губернии и ими поддерживается.

Такова судьба и история колыбели русского флота и таковы сказания, живущие в устах народа, соединённые с историческими фактами, относящимися до учреждения кораблестроения и мореплавания в России...